

Воспоминанія архангельскаго кантониста.

Прочитавъ въ «Еврейской Старинѣ» воспоминанія бывшихъ кантонистовъ, гг. Ермановича и Шпигеля¹, я рѣшилъ въ свою очередь, какъ бывший кантонистъ (съ 1853 по 1857 г.), подѣлиться съ читателями своими воспоминаніями о времени рекрутской инквизиціи. Постараюсь въ простыхъ, но правдивыхъ словахъ изложить то, что со мною и съ моими товарищами происходило въ Архангельскомъ полубаталіонѣ военныхъ кантонистовъ.

I. Отъ Полоцка до Архангельска.

Въ началѣ пятидесятихъ годовъ дѣйствовало еще высочайшее повелѣніе, въ силу котораго разрѣшалось брать еврейскихъ мальчиковъ не моложе 12 - ти лѣтъ для сдачи въ военную службу «въ виду укрывательства Евреевъ отъ рекрутской повинности» (такъ значитъ въ моемъ формулярномъ спискѣ). На еврейскіе кагалы возлагалась правительствомъ обязанность доставлять изъ cadaго города, мѣстечка и прочихъ мѣстъ установленное количество малолѣтнихъ рекрутъ, которыхъ и зачисляли въ баталіоны и полубаталіоны военныхъ кантонистовъ. Пойманные же - еврейскіе юноши, достигшіе 18 - ти и болѣе лѣтъ, зачислялись - прямо въ войска на дѣйствительную службу (такимъ солдатамъ дѣйствительная 25 - лѣтняя служба считалась съ 20-лѣтняго возраста; время же, проведенное на службѣ съ 18-ти до 20-ти лѣтняго возраста, въ срокъ не включалось). Само собою разумѣется, что между евреями, какъ и между прочими народностями Россіи, люди богатые или ученые избѣгали зачислять своихъ дѣтей въ рекруты; взятки, подарки и всякія подношенія кому слѣдовало всегда избавляли такихъ лицъ отъ рекрутства, а вся тяжесть рекрутской повинности падала на бѣдный классъ. Сдавали въ рекруты мальчиковъ бѣдныхъ родителей, не обращая вниманія на ихъ возрастъ, не справляясь даже, имѣютъ - ли они отъ роду требуемые закономъ 12 лѣтъ; хватали и малютокъ 7 — 8 лѣтъ. Такихъ глубоко несчастныхъ дѣтей ловчіе («хаперсы») вырывали изъ объятій матерей, опредѣляли ихъ возрастъ вмѣстѣ съ военными приѣмщиками въ 12 лѣтъ и болѣе и сдавали въ рекруты, не считаясь даже съ состояніемъ здоровья принятыхъ. Кагальникамъ, общиннымъ заправиламъ, нужно было только выполнить наборъ: сдать требуемое количество рекрутъ за текущей годъ, а военнымъ приѣмщикамъ не было никакого дѣла до того, что сданные въ рекруты несчастные младенцы не перенесутъ суровой солдатской службы. Въ тѣ времена существовало правило въ военныхъ кругахъ: изъ десяти человекъ хоть девять убей, лишь бы одинъ остался вполнѣ закаленнымъ солдатомъ. Вотъ къ этой - то категоріи несчастныхъ дѣтей и я принадлежалъ.

Я происходилъ изъ зажиточной семьи. Дѣдушка мой арендовалъ много десятины земли у помѣщиковъ Дисненскаго уѣзда около м-ка Друи (название помѣстья - «Навлокъ»), имѣлъ винокуренный заводъ, сплавлялъ на своихъ баржахъ свой же хлѣбъ по нѣскольکو тысячъ пудовъ въ Ригу. Въ 1851 - 1852 г., при сплавѣ хлѣба, бывшей на рѣкѣ аваріей баржи разбились, и весь хлѣбъ потопило. Къ этому несчастью прибавилось и другое: заводъ сгорѣлъ. Въ одинъ прекрасный день мы

¹ Евр. Стар. 1909 г., т. II, стр. 115 сл.; 1911 г., стр. 249 сл.

изъ зажиточныхъ людей обратились въ нищихъ. Дѣдушка не могъ перенести этого удара и внезапно умеръ. Отець мой, желая поправить свое положеніе, началъ доставлять изъ Курляндіи контрабандный спиртъ, но былъ пойманъ и сосланъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ черезъ много лѣтъ (о чемъ расскажу дальше).

Въ 1853 году, когда мнѣ минуло семь лѣтъ (такъ мнѣ сказала покойная мать), мы проживали въ гор. Полоцкѣ, Витебской губерніи, гдѣ около богатыхъ родственниковъ кое какъ тянули свое жалкое существованіе. Насъ было при матери трое: братъ 12, сестра 9 и я 7 лѣтъ; брата мать отправила въ другое мѣсто, гдѣ онъ и былъ спасенъ. Въ одно октябрьское утро, во время совершенія ранней молитвы («брохесь»), къ намъ въ убогую квартиру ворвались три еврея изъ «ловчихъ», схватили меня въ охапку и унесли въ какой-то домъ. Плачь, крики, обморокъ матери не помогли. Въ домѣ, куда меня унесли, я засталъ такихъ же пойманныхъ несчастныхъ дѣтей нѣскольکو десятковъ. Здѣсь насъ держали пару недѣль; кормили довольно хорошо; мать моя и родственники часто навѣщали меня; между прочимъ, они же научили меня - при опросѣ не называть своего имени (метрики въ то время у евреевъ не существовали, а ловили тогда перваго попавшагося мальчика, не справляясь, кто онъ, какъ его имя, отчество и фамилія, а также возрастъ).

Спустя недѣли три, именно 23 октября 1853 года, насъ, дѣтей, привезли въ присутственное мѣсто, гдѣ стали стричь и брить. Негодныхъ не оказывалось, такъ какъ всѣ бывшіе въ присутствіи чиновники были подкуплены сдатчиками. При вводѣ въ присутствіе меня спросили объ имени (меня зовутъ Елье - Лейбъ); родственники научили сказать: Израиль - Лейбъ, имѣя въ виду какъ нибудь потомъ освободить меня посредствомъ побѣга. Сказавъ въ присутствіи имя «Израиль» я на вопросъ о фамиліи (фамилія моя Бейлинъ) отозвался незнаніемъ. Тогда спросили имя моего отца, котораго я назвалъ правильно: Ицко, - вотъ меня и записали «Израиль Ицковичъ». Подъ этимъ именемъ и фамиліей я пробылъ кантонистомъ и на дѣйствительной службѣ 20 лѣтъ.

Остриженные, т. е. принятые на службу, нѣскольکو десятковъ мальчиковъ были переданы воинскому начальнику, и насъ помѣстили въ казармахъ, дали шинели, полушубки, сапоги, - все это не по росту, -суконный мѣшокъ подъ названіемъ ранецъ, куда положили свой скарбъ - какое-то бѣлье изъ самага грубаго подкладочнаго холста.

Въ моемъ формулярномъ спискѣ значится слѣдующее: «Въ виду укрывательства Евреевъ отъ воинской повинности, Израиль Ицковичъ, имѣющій отъ роду 12 лѣтъ (прибавили 5 лѣтъ), 23 октября 1853 года, по малолѣтству, отправляется въ Архангельскій полубаталіонъ военныхъ кантонистовъ».

6 - го ноября того-же года изъ всѣхъ насъ составили партію и на подводахъ, по 5 - 6 и болѣе мальчиковъ, отправили въ путь. Много нашихъ несчастныхъ товарищей простились въ этотъ день со своими родными на вѣки: не суждено было имъ больше видѣть своихъ родныхъ, такъ и родину. Помню этотъ день. Весь городъ провожалъ насъ. Рыданія, вопли; въ воздухѣ стоялъ гулъ; кажется, отъ этихъ душу раздирающихъ криковъ земля дрожала. Отѣхали 2 - 3 версты; былъ еще слышенъ плачь родныхъ... Мы отправились дальше. Ежедневно дѣлали 25 - 30 версть. Вечеромъ пріѣхали въ деревню; распредѣлили мальчиковъ по квартирамъ; дома грязные, холодные, полы земляные; пришли замерзшіе - отогрѣться негдѣ; у мальчиковъ руки и ноги коченѣютъ. Снять ранецъ мальчикъ не можетъ; разстегнуть суконныя пуговицы не въ состояніи; плачетъ, а приставленные конвойные подъ названіемъ «дядекъ» сердятся, бьютъ. До Петербурга у насъ нѣскольکو мальчиковъ

заболѣли и умерли; гдѣ похоронены - не знаю.

Въ Петербургѣ говорили, что насъ будетъ смотрѣть государь Николай I; но прїѣхалъ какой - то генераль, если не ошибаюсь - Левашевъ. Сколько пробыли въ Петербургѣ - не помню, но въ памяти осталось то, что въ Гатчинѣ дочь плацъ - маіора взяла меня на руки, поставила на стулъ, напоила чаемъ и вложила въ обшлагъ моей шинели бѣлый калачъ.

О мучительномъ походѣ нашей партіи, слѣдовавшей отъ Полоцка до Архангельска въ теченіи болѣе шести мѣсяцевъ, т. е. съ 6 ноября 1853 года по іюнь 1854 года, довольно сказать одно: дорогой дѣти мерзли какъ мухи, ихъ били и мучили; они болѣли и умирали и своими трупиками усѣяли дорогу добраго стараго времени. Наконецъ, въ послѣднихъ числахъ мая или первыхъ числахъ іюня 1854 года, вступили въ «обѣтованный» городъ Архангельскъ. Насъ ввели въ зданіе, занимаемой кантонистами.

II. Жизнь кантонистовъ въ Архангельскѣ.

По заведенному порядку, всю вновь прибывшую партію выстроили во дворѣ казармы. Тутъ ее распредѣлили по ротамъ. Малышей отъ 7 до 15 лѣтъ назначили во 2 - ю роту, а прочихъ - отъ 15 и болѣе лѣтъ - въ 1-ю роту (въ этомъ полубаталіонѣ числились 2 роты, въ которыхъ было до 1000 кантонистовъ). Ихъ размѣстили по камерамъ, назначили дядекъ изъ старыхъ кантонистовъ; каждому такому дядкѣ дали двухъ - трехъ мальчиковъ изъ вновь прибывшихъ, которыхъ дядьки обязаны были учить - правильнѣе скажу: бить. Въ первый день нашего прибытія привезенныя собственныя вещи, въ томъ числѣ молитвенныя принадлежности, - «тфилинъ» «арбеканфесъ» и «сидуримъ», - были у всѣхъ отобраны; сложили ли ихъ куда нибудь, или уничтожили - не знаю. Каждому отвели кровать, соломенный матрацъ и подушку.

Вставали по барабанному бою въ 6 часовъ утра. Начинаясь уборка постели; каждый кантонистъ обязанъ былъ убрать свою постель по указанію дядьки, по опредѣленной формѣ; за малѣйшую ошибку дядька (такой же мальчишка 11 - 12 лѣтъ) билъ по зубамъ, по головѣ и куда попало. Послѣ уборки постели ходили умываться, затѣмъ становились на молитву. Не считались, какого кто вѣроисповѣданія: на молитву должны идти всѣ. Послѣ молитвы каждому кантонисту давали по кусочку (около 1/4 фунта) ржаного хлѣба съ солью; это былъ завтракъ. Послѣ завтрака, вновь прибывшихъ обучали называть начальствующихъ лицъ: чинъ, имя, отчество и фамиліи ихъ, до дядьки включительно. Затѣмъ - чистка сапогъ и пуговицъ одежды. Шинели, куртки, брюки изъ толстаго армейскаго сукна, - всѣ эти вещи выдавались старья, заношенныя до дыръ, и назначались исключительно для некрещеныхъ кантонистовъ; послѣднихъ заставляли эти вещи чинить своими средствами, не справляясь, есть ли у мальчика на это средства.

Въ 7 часовъ утра мы занимались фронтовымъ ученіемъ. Строевое ученіе состояло изъ такихъ, напримѣръ, пріемовъ: выставляютъ ногу, упираясь носкомъ въ землю; поднимаютъ ногу въ уровень съ пахомъ и въ такомъ положеніи держать ее какъ можно дольше; если мальчикъ при этомъ упадетъ, его бьютъ или сѣкутъ розгами. Затѣмъ - повороты, маршировка и т. п. Такое ученіе продолжалось до 11 - ти часовъ. Тогда идутъ обѣдать. Разсаживаютъ насъ за столами; столы - черные,

грязные, ничѣмъ не покрытые; за однимъ столомъ въ одинъ рядъ нѣсколько десятковъ кантонистовъ. На каждые 6 человекъ даютъ миску и порцію хлѣба, нарѣзаннаго ломтиками. Когда дежурный кантонистъ приноситъ данную порцію хлѣба, всѣ 6 человекъ на перерывъ бросаются на нее, какъ голодные волки, и кто побойче - схватитъ нѣсколько кусковъ, а смиренный остается голоднымъ. Затѣмъ приносятъ чашку щей изъ капусты, большею частью гнилой, съ гнилыми раками и всякой гадостью. Многие, не смотря на голодъ, отъ такой пищи отказывались; хлѣба же больше не давали, а давали еще по одной ложкѣ каши, - вотъ и весь обѣдъ. - Послѣ обѣда, а иногда и до обѣда, въ классѣ обучали читать, писать, арифметикѣ, грамматикѣ; все нужно было зазубривать; отвѣчали, не понимая смысла заученнаго. Кантонистовъ обучали и ремеслу; ихъ распредѣляли по мастерскимъ: портняжной и сапожной. Насколько мнѣ извѣстно, далѣе накладыванія заплатъ ничего не знали.

Если голодный мальчикъ возьметъ тайкомъ кусокъ хлѣба и его поймутъ (послѣ обѣда и ужина обыскивали), то его съ украденнымъ кускомъ хлѣба во рту ставятъ передъ всѣмъ баталіономъ, а затѣмъ даютъ ему 25 - 50 розогъ. Жаловаться было некому. Командиръ баталіона былъ подполковникъ Василій Васильевичъ Дьяконовъ; онъ былъ Богъ и царь. Къ битью сводилось у него все ученіе солдатское. И дядьки старались. Встаешь - бьютъ, учишься - бьютъ, обѣдаешь - бьютъ, спать ложишься - бьютъ. Отъ такого житья у насъ иногда умирало до 50 кантонистовъ въ мѣсяцъ (такъ мнѣ говорили инвалидные солдаты, которые хоронили ихъ). Гробокопателями были негодные къ службѣ за старостью или по болѣзни солдаты, дослуживавшіе свой 25 - лѣтній срокъ. Если умрутъ сразу 2 - 3 и болѣе кантонистовъ, эти инвалиды выкопаютъ одну яму и въ нее бросаютъ до пяти трупиковъ,, а такъ какъ трупики при бросаніи не кладутся въ порядкѣ, то инвалидъ спускается въ яму и ногами притаптыкаетъ трупики» чтобы больше помѣстить.

Каждую субботу кантонисты обязаны были мыть полы. Для этого посылали однихъ за опилками, другихъ за водою. Когда то и другое принесено, мы, загнувъ свои холщевые кальсоны выше колѣнъ, выстраивались въ шеренгу, и старшіе давали каждому по «голяку», т. е. связку прутьевъ; всѣ становились на голые колѣна и начинали, по командѣ, опилками тереть полъ всей силенкой. Сзади ходилъ старшій кантонистъ, т. е. десяточный или капральный ефрейторъ, съ розгами въ рукахъ, понуждая всѣхъ крѣпче тереть полъ, причемъ часто немилосердно билъ несчастныхъ дѣтей розгами по плечамъ и прочимъ частямъ тѣла. Отъ тренія голеньями по полу съ опилками кожа на голеньяхъ стиралась до костей, образовывались раны, коросты и гніеніе. Сами кантонисты эти боли скрывали, боясь наказанія; раны отъ этого хуже растревлялись. Иногда ефрейторъ замѣтитъ страданіе кантониста, хорошенько поколотитъ его и отправляетъ въ лазаретъ; тамъ фельдшеръ также бьетъ мальчика за то, что у него раны на ногахъ. То же самое повторяется при заболѣваніи глазъ: какъ только замѣтятъ у кантониста болѣзнь глазъ (ее скрыть при всемъ желаніи нельзя), его сначала высѣкутъ, а потомъ - отправляютъ въ лазаретъ, гдѣ также ждетъ его битье и голодъ. Меня первый разъ при заболѣваніи глазъ не ефрейторъ, а самъ унтеръ - офицеръ здорово побилъ кулаками; то была особая милость - не выпороль.

III. Принужденіе креститься.

У насъ во 2-й ротѣ былъ унтеръ - офицеръ изъ кантонистовъ» крещеный еврей Евграфъ Васильевичъ Гулевичъ, крестникъ нашего баталіоннаго командира

Дьяконова. Командиръ при первомъ осмотрѣ нашей партіи заявилъ предъ всѣмъ баталіономъ, что, пока онъ будетъ жить, ни одинъ не выйдетъ изъ ввѣреннаго ему баталіона евреемъ, - и дѣйствительно сдержалъ свое слово. Крестникъ его, унтеръ - офицеръ Гулевичъ исполнялъ желаніе своего крестнаго отца слѣдующимъ образомъ. Каждый вечеръ, около 9 часовъ, когда нужно было ложиться спать, Гулевичъ ложился на свою кровать, подзывалъ къ себѣ нѣсколькихъ мальчиковъ и приказывалъ имъ становиться возлѣ кровати на колѣни; затѣмъ начиналъ ихъ увѣщевать и доказывать изреченіями изъ священнаго писанія (у него было Пятикнижіе Моисеево), что евреи заблуждаются и что истинный спаситель есть Иисусъ Христосъ; наконецъ тономъ угрозы требовалъ, чтобы мальчики изъявили согласіе креститься. Согласныхъ Гулевичъ отпускалъ спать, и на другой день этимъ желающимъ креститься выдавали новое обмундированіе и лишній кусокъ хлѣба; упорствовавшихъ же онъ держалъ всю ночь на колѣняхъ около своей кровати, а на другой день ихъ оставляли безъ куска хлѣба, придирались къ нимъ и по всякому поводу пороли. Конечно, при такихъ мученіяхъ мальчики не могли долго сопротивляться - и противъ желанія соглашались съ виду креститься. Старшіе кантонисты. 12 - 15 лѣтъ, дольше мучились; тѣхъ больше били, пороли. То и дѣло передавали, что тотъ или другой изъ нашихъ товарищей отъ тяжкихъ побоевъ умираетъ...

Къ началу 1855 года весь баталіонъ былъ окрещенъ, за исключеніемъ, какъ помню, одного изъ 1 роты, которому было 17 или 18 лѣтъ. Онъ сильно упорствовалъ, и за это его ежедневно предъ обѣдомъ клали на скамейку, давали по 100 и болѣе розогъ. Помню, одинъ разъ я былъ очевидцемъ, какъ струйка крови текла со скамейки на полъ, а юноша только охалъ. Послѣ сѣченія его отправляютъ въ лазаретъ, залѣчаютъ раны и опять сѣкутъ. Этого кантониста спасло восшествіе на престоль незабвеннаго царя Александра II. 26-го августа 1856 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ уничтоженіи баталіоновъ и полу баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, и нашъ мученикъ, уцѣлѣвшій въ своей вѣрѣ, немедленно былъ исключенъ изъ кантонистовъ, какъ достигшій 18 - лѣтняго возраста и зачисленъ въ Архангельскій гарнизонный баталіонъ; но это уже было послѣ смерти нашего баталіоннаго командира Дьяконова: иначе онъ, какъ заклился, не выпустилъ бы живымъ ни одного еврея.

Каждый годъ, съ наступленіемъ мая мѣсяца, дѣлалось распоряженіе изъ Петербурга о выпускѣ кантонистовъ, достигшихъ 18-лѣтняго возраста, въ дѣйствующія войска. Въ 1854 году партія, достигшая указаннаго возраста, была отправлена въ Петербургъ и тамъ распредѣлялась по войскамъ. Эта партія (въ которой числились, между прочимъ, иркутскій житель нынѣ покойный - Самойло Миль и живущій понынѣ въ Иркутскѣ выкрестъ Н. С. Трапезниковъ), по прибытіи въ Петербургъ была на высочайшемъ смотрѣ въ присутствіи императора. При обычномъ опросѣ о претензіяхъ, многіе кантонисты жаловались на насильственное привлеченіе въ православіе. За этотъ поступокъ партію арестовали и, какъ мнѣ рассказаль покойный Миль, всѣхъ приговорили къ тогдашнему жестокому наказанію: прогнать каждого сквозь строй, черезъ три тысячи челоуѣкъ. Конечно, всѣ были бы перебиты на смерть, если бы приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе; но наказаніе было пріостановлено, по случаю кончины Императора Николая I, 19-го февраля 1855 года: новый царь наказаніе всей партіи отмѣнилъ и только жаловавшихся велѣлъ разослать въ сибирскіе гарнизонные баталіоны.

Послѣ жалобы упомянутой партіи, къ намъ въ Архангельскъ пріѣзжалъ какой то генераль изъ Петербурга. Опрашивалъ насъ: правда - ли, что насъ принуждали

креститься. Не помню, что старшіе кантонисты отвѣтили; знаю только, что послѣ отъѣзда генерала, въ скоромъ времени нашего командира, полковника Дьяконова, потребовали въ Петербургъ «для объясненій»; но онъ, не успѣвъ собраться въ путь, внезапно умеръ. Помню, вечеромъ, фельдфебель пришель, приказаль зажечь предъ иконами лампадки и объявилъ о кончинѣ нашего командира Дьяконова. Всѣ бывшіе въ камерахъ отъ радости чуть себѣ головы не разбили, бросаясь наперерывъ, чтобы скорѣе зажечь лампадки. Хоронили Дьяконова въ самый трескучій морозъ, кажется, въ декабрѣ мѣсяцѣ, держали всѣхъ на улицѣ болѣе двухъ часовъ; мы ооченьли отъ холода, но для насъ это былъ праздникъ.

Ежегодно 1-го октября, въ праздникъ Покрова, кантонистамъ отпускалаь улучшенная пища, т. е. безъ гнилыхъ раковъ въ щахъ, и по одной бѣлой булочкѣ. Наканунѣ этого праздника служили всенощную - священникъ съ дьячкомъ и пѣвчіе изъ кантонистовъ. Помнится мнѣ, этотъ праздникъ ознаменовался слѣдующимъ событіемъ (если не ошибаюсь, это было въ 1854, г.). Кантонисты которыхъ въ полу баталіонѣ было около 1.000 человекъ, собрались ко всенощной и помѣстились въ залѣ; было тѣсно и душно... Тутъ командиру нашей 2-й роты, капитану Саримскому - Гиро, показалось, что кто-то шепчется, - и вотъ послѣ богослуженія капитанъ приказаль затворить всѣ выходы, принести розги и, вмѣсто поздравленія съ праздникомъ, всю нашу роту перепоротъ, что, конечно, въ точности было исполнено. Порка эта продолжалась» чуть - ли не до 12 - ти часовъ ночи.

Выше я описаль нѣкоторые инквизиціонные приемы нашего начальства для насильственного обращенія насъ въ православіе. Начальство достигло своей цѣли: всѣ мы были окрещены, кромѣ одного, о которомъ я уже рассказываль. Казалось, что, принявъ крещеніе, мы должны были быть сравнены во всѣхъ правахъ съ православными, но на самомъ дѣлѣ этого не было. Бывшій еврей при ссорѣ съ товарищемъ - христіаниномъ продолжалъ выслушивать обычное ругательство: «жидъ пархатый»! А иногда прибавляли: «жидъ крещеный, что волкъ кормленный»! Наши молодыя сердца не могли переносить этого оскорбленія; много разъ дрались и жаловались начальству. И въ самомъ дѣлѣ, каково было слышать такія ругательства отъ тѣхъ, съ которыми мы вмѣстѣ ходили въ церковь къ исповѣди, вмѣстѣ принимали причастіе, съ которыми, казалось, слились въ одну семью! Эти оскорбленія запечатлѣлись въ моей молодой душѣ и имѣли послѣдствія. Я далъ себѣ слово добиться справедливости и, не боясь никакихъ судовъ и каръ, вернуть себѣ право на еврейство, что и исполниль, какъ будетъ сказано ниже.

IV. Возвращеніе въ еврейство.

Манифестомъ царя Александра II отъ 26 августа 1856 года было запрещено брать малолѣтнихъ еврейскихъ дѣтей въ кантонисты, а въ 1857 - 1858 г.г. было приказано освободить и обратить въ первобытное состояніе всѣхъ находящихся въ кантонистскихъ баталіонахъ. Между прочимъ, обращеніе въ первобытное состояніе распространялось только на русскихъ солдатскихъ дѣтей; мы же, еврейскія дѣти, какъ принятые въ рекруты по очередному рекрутскому набору, обращенію въ прежнее состояніе не подлежали. О насъ распоряженіе было такое: всѣ баталіоны и полубаталіоны военныхъ кантонистовъ преобразованы въ училища военнаго вѣдомства; кантонисты старшаго возраста, достигшіе 18 лѣтъ, зачислялись на службу въ войска и отправлялись въ центральную Россію, а младшихъ зачисляли въ училища военнаго вѣдомства. Послѣ смерти подполковника Дьяконова, временно командоваль баталіономъ командиръ I-й роты капитанъ Окуловъ, затѣмъ пріѣхаль

какой-то штабъ - офицеръ. Жизнь стала мѣняться, кормить начали лучше и жестоко бить перестали. Первую роту, какъ взрослыхъ, всю отправили въ Россію для распредѣленія по войскамъ. Насъ же, 2 - ю роту, какъ младшихъ, перечислили въ училище военнаго вѣдомства. Я былъ моложе прочихъ, ибо, какъ выше упомянулъ, меня при приѣмѣ въ рекруты записали 12 - лѣтнимъ, т. е. старше моихъ лѣтъ, такъ что въ 1859 г. мнѣ въ дѣйствительности было 13 лѣтъ, а по спискамъ числился 18 - ти лѣтъ. По наружному осмотру начальство признало меня гораздо моложе, но я, желая скорѣе вырваться изъ ада, увѣрялъ, что мнѣ 18 - й годъ. Поэтому меня и еще 18 человекъ прикомандировали къ училищу, а въ 1860 году насъ распредѣлили по жребію: 5 человекъ - въ финляндскія, войска, 3 - въ мѣстный Архангельскій гарнизонъ, а 10 человекъ - въ Гренадерскій корпусъ. Я попалъ въ послѣднюю группу. Въ томъ же году насъ пѣшимъ порядкомъ отправили въ Москву. Отъ Архангельска до Москвы шли мы около 4-хъ мѣсяцевъ. Въ декабрѣ прибыли въ Москву.

Здѣсь штабъ корпуса насъ распредѣлил по полкамъ, и я угодилъ въ 3 - ю Гренадерскую Артиллерійскую бригаду. Командиръ мой оказался очень добрымъ человекомъ, меня полюбилъ, на другой годъ моей службы произвелъ меня въ унтеръ - офицеры; я имѣлъ тогда отъ роду 14 лѣтъ, а числился по спискамъ 19 лѣтъ. Въ этой бригадѣ я прослужилъ 10 лѣтъ, - долженъ былъ держать экзаменъ на офицера; начальство мое сильно настаивало на этомъ экзаменѣ, обѣщало поставить мнѣ хорошіе баллы; я и готовился. Но вспомнилъ я, какъ часто приходилось слышать въ жизни обидное слово «жидъ крещеный - волкъ кормленный», и думалъ, что если такихъ оскорбленій я не могъ переносить въ низшемъ званіи, тѣмъ труднѣе будетъ мнѣ переносить ихъ, будучи офицеромъ или чиновникомъ. И я отъ экзамена отказался. (Между прочимъ, мои близкіе товарищи, съ которыми жилъ какъ съ братьями, именно: Павелъ Федоровичъ Аксельродъ и Іосифъ Петровичъ Веньяминовичъ, къ 1872 году выдержали экзаменъ и были произведены въ первый классный чинъ - первый по артиллеріи, а второй по стрѣлковому баталіону). Начиная съ поступленія въ кантонисты въ 1853 г. и кончая службу въ 1873 г., я стремился во что бы то ни стало возратить свои права на еврейство, за которое я такъ много перестрадалъ. Наконецъ, Богу угодно было исполнить мое желаніе. Въ 1872 году я, какъ выслужившій срокъ, уволился въ безсрочный отпускъ, и тотчасъ уѣхалъ на родину видѣться съ родными, которыхъ не видалъ со дня отправленія меня въ кантонисты.

Не буду описывать встрѣчу съ матерью, братомъ, сестрами и прочими родственниками, оставшимися въ живыхъ. Они меня давно похоронили, да я и самъ плохо вѣрилъ, что выйду живымъ изъ кантонистовъ. Здѣсь на родинѣ, въ гор. Диснѣ, я узналъ, что мой отецъ въ 1858 году, за торговлю контрабанднымъ спиртомъ, сосланъ въ Сибирь. Поживъ дома мѣсяца два, я отправился въ Сибирь разыскивать отца, котораго почти не помнилъ; нашель я его въ городѣ Томскѣ вмѣстѣ съ его двумя братьями, одновременно по тому же дѣлу сосланными.

Явившись къ начальству, какъ безсрочно отпускной и какъ выслужившій (по моему мнѣнію) срокъ до отставки, я просилъ выдать мнѣ указъ объ отставкѣ: но мнѣ объявили, что если желаю получить указъ объ отставкѣ, я долженъ прослужить еще въ дѣйствительной службѣ 10 мѣсяцевъ или же числиться въ отпуску еще три года. Я избралъ первое и подалъ докладную записку Томскому Губернскому воинскому начальнику о принятіи меня для дослуженія до отставки. Меня зачислили. Спустя нѣкоторое время я заявилъ оффиціально, что не желаю числиться православнымъ, такъ какъ насильственно былъ обращенъ въ оное. Конечно, загремѣло мое новое

начальство; стали угрожать судомъ, лишеніемъ правъ и чуть не разстрѣломъ. Тогда я подалъ докладную записку, гдѣ подробно изложилъ, какъ со мной, 7 - лѣтнимъ ребенкомъ, варварски поступили; затѣмъ прибавилъ, что я вовсе не таковъ, какъ числюсь по спискамъ, т. е. имя и фамилія не мои, и тѣмъ не менѣе я честно и добросовѣстно прослужилъ царю 20 лѣтъ и никогда ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ, о чемъ имѣю отъ начальства нѣсколько аттестатовъ; далѣе писалъ, что если начальство могло насъ, дѣтей, мучить и давать намъ свою власть вымышленныя имена, то нельзя воспретить мнѣ ходатайствовать о возвращеніи насильно отъ меня отнятаго; - при этомъ я просилъ предать меня суду, дабы разъ навсегда покончить мои мученія.

Воинскій начальникъ старался усовѣстить меня, а когда я категорически заявилъ, что долѣе обманывать Бога и людей не хочу, - такъ какъ въ церковь и на исповѣдь больше не пойду, - онъ далъ ходъ моей докладной запискѣ. Спустя шесть недѣль получилось предписаніе командующаго войсками Западной Сибири,, слѣдующаго содержания: совратившагося изъ православія унтеръ - офицера Ицковича отдать на увѣщеваніе священника и, если онъ останется нераскаявшимся, то, не преслѣдуя его за вѣроотступничество, перевести въ другую часть войскъ. Конечно, священникъ изъ кожи лѣзъ, а сдѣлать со мной ничего не могъ: на его увѣщеваніе я только улыбался, говоря, что теперь мнѣ не 7 лѣтъ, а уже 26. Переведенъ въ другую часть я также не былъ, такъ какъ срокъ моей службы къ тому времени кончился. Я былъ уволенъ въ отставку 23 октября 1873 года, прослуживъ ровно 20 лѣтъ.

Если изъ моихъ товарищей - кантонистовъ, бывшихъ со мною въ одной клѣткѣ, остался еще кто-нибудь въ живыхъ и прочтетъ эту мою исповѣдь, - пусть вспомнитъ бывшаго артиллерійскаго писаря, носившаго въ былое время нѣсколько именъ: Сергѣевъ, Архиповъ, Бейлинъ, а нынѣ живущаго подъ собственнымъ еврейскимъ именемъ: Илья Исаевичъ Ицковичъ (по спискамъ именуясь Израиль-Лейба Ицковичъ).

Иркутскъ. Ноябрь 1911 г.

И. Ицковичъ.